

Четвертый канал в модели Шульц фон Туна можно назвать прагматическим. Говорящий воздействует на собеседника в той или иной степени. Получив слово, участник коммуникации непременно хочет достигнуть определенной цели. Воздействие также может выражаться эксплицитно или имплицитно. Слушающий, интерпретируя данный посыл, и принимает решение, как ему поступить.

Смолток как жанр устной речи не является деловой беседой. Его основная цель заключается в создании комфортного общения для всех участников коммуникации. Необходимо познакомиться с собеседником, найти точки соприкосновения, получить импульсы для возможного дальнейшего общения. Общие темы, интересы, установки могут вызывать симпатию, которая возникает вследствие сопричастности к теме [1, с. 94].

При анализе смолтока как жанра устной речи с учетом целевой установки в рамках представленной модели Шульц фон Туна на первый план выходят два уровня коммуникации – самопрезентация и канал, транслирующий отношение к говорящему. В самопрезентации передается основная информация об участниках коммуникации и они принимают решение, хотят ли они продолжать свое общение в дальнейшем. Одновременно с этим собеседник чувствует, вызывает ли он симпатию и доверие у своего визави, что создает предпосылки для выстраивания дальнейших доверительных отношений.

Таким образом, можно предположить, что для жанра смолток особенно важно адекватно владеть паравербальными и невербальными средствами коммуникации, так как именно они передают скрытые смыслы и являются ведущими в коммуникации для аспектов самопрезентации и отношения к сказанному и к собеседнику.

Учитывая признаваемую значимость *small talk*, возможно прогнозировать его развитие как отдельного жанра в новых социальных условиях, а также слияние структурных элементов жанра с речэтикетными формулами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Köhler K., Skorupinski C. Smalltalk – Von der Bedeutung des kleinen Gesprächs. In: Bose, I./Neuber, B.: Interpersonelle Kommunikation: Analyse und Optimierung. Peter Lang GmbH. - Frankfurt/M., 2011. – 91-98 S.
2. Schulz von Thun, F. Miteinander reden. Bd. 1. Rowohlt, Reinbek. – Berlin, 1981. – 320 S.

Карачаров Г.В.

ПРОЦЕССЫ ПЕЙОРАЦИИ И АРХАИЗАЦИИ В СВЯЗИ С ПРАГМАТИЧЕСКИМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено явлениям пейорации и архаизации в японском языке в связи с прагматическими изменениями в диахронии. Семантика и

прагматика определённых слов, как и речь носителей в целом, претерпели сдвиги на фоне естественных изменений языка и языковой политики.

Ключевые слова: японский язык, прагматика, пейорация, архаизация, семантика, кэйго, местоимения

История японского языка показывает, что он переживал этапы различных изменений в силу естественного влияния других языков или прочих экстралингвистических факторов. Язык менялся как на уровне устройства самой системы языка: морфология, синтаксис, лексический состав и т.д., так и на уровне социолингвистических, психолингвистических и прочих внешних особенностей. Вместе с изменениями внутри системы языка меняется и прагматика — интерпретация высказывания и речевое поведение говорящего в соответствии с отношениями между участниками ситуации и объектом. В конечном счёте это выражалось в изменении повседневного стиля речи носителей, что можно наблюдать на разных этапах развития языка.

Вместе с прагматикой изменениям может подвергнуться и семантика. Значение той или иной языковой единицы и его интерпретация носителями может «ухудшаться» или «улучшаться» относительно «нейтральной» в процессе развития языка, что также будет нести за собой изменения прагматической характеристики соответствующей единицы. Эти процессы называются «амелиорацией» (англ. *amelioration*) и «пейорацией» (англ. *pejoration*) соответственно [4, с. 2]. Во многих языках, в частности, в японском, можно наблюдать процессы пейорации в масштабах всего языка на том или ином историческом срезе, происходящие по различным, как правило, экстралингвистическим причинам. Кроме того, поэтому же слова могут выходить из употребления, становясь архаизмами, т.е. подвергаться архаизации. Таким образом, объектом исследования данной работы будут семантические и прагматические изменения определённых слов японского языка на разных исторических этапах.

Стоит заметить, что анализировать семантику и прагматику пейоратива, как и процессы, связанные с их образованием, сложно, поскольку в разных контекстах те или иные выражения могут нести в себе разные значения, вплоть до противоположных [10, с. 129]. Тем не менее, цель настоящего исследования заключается в попытке анализа пейорации и архаизации в динамике исторического развития японского языка. В качестве материала, на основе которого анализировались эти процессы, выступили тексты, где употреблялись соответствующие слова до их изменений. В частности, в работе будут рассмотрены примеры из «Угэцу Моногатари» (1776) Уэда Акинари (1734–1809) [3].

Причины пейорации и архаизации в разных языках заключаются в семантических или прагматических изменениях, которые связаны с экстралингвистическими факторами. В случае с японским языком, в первую очередь, это социальные изменения, которые главным образом отразились на прагматике, а вместе с тем и семантике многих языковых единиц. В частности, изменения в рамках отношений внутри японского общества на протяжении

истории привели к тому, что японцы стали иначе обозначать участников (адресанта и адресата), объект и субъект речевой ситуации. Это включает в себя и способы выражения дейксиса, в том числе указание на лица.

Отдельно стоит упомянуть роль китайского языка. Под его влиянием сложилась японская система письменности, отразившаяся на всех уровнях языка, а также словарь, включающий множество заимствований из китайского языка [6, с. 84]. Во многом это объясняет естественные процессы изменения языка в сторону упрощения, которые сопровождались пейорацией и устареванием слов. Например, некоторые личные местоимения, заимствованные из китайского языка, спустя некоторое время исчезли из употребления, о чём подробнее будет сказано далее.

Кроме того, стоит упомянуть искусственное влияние на язык или языковую политику. Попытки повлиять на язык были связаны с перестраиванием японского общества, в том числе в рамках системы «высший–низший», вокруг которой строятся отношения вежливости. В связи с этим японский язык пережил ряд серьёзных преобразований, которые происходили, начиная со второй половины XIX века, и привели к единому литературному языку [6, с. 93]. В период Мэйдзи (1868–1912) происходил переход от литературного письменного языка *бунго* к форме языка, основанной на единстве письменной и устной речи — *гэмбун-итти*. Поскольку целью этих реформ было повышение уровня грамотности за счёт демократизации образования, система языка неизбежно столкнулась с упрощением, что повлекло процессы пейорации и архаизации многих элементов. Реформы языка были нацелены на унификацию, в том числе стандартизацию форм вежливости, которая не основывалась на всей вариативности форм (в том числе вежливых) [8, с. 46]. Последствием проводимой языковой политики стала формализация понятия вежливости с последующими процессами пейорации и архаизации определённых языковых единиц. С точки зрения истории языка, спектр словоформ, которые мы сегодня понимаем как гоноративные или депрециативные, употребляемых в речи, до периода Мэйдзи был шире, а некоторые элементы, которые сегодня относятся к вежливому стилю, раньше являлись стилистически не окрашенными, хотя и прагматически обусловленными. Таким образом, после периода Эдо (1603–1868) японское общество начало перестраиваться, что неизбежно повлияло на прагматику языка, вследствие чего некоторые слова поменяли своё значение или перестали употребляться. «Безусловно, современное японское общество не столь жёстко иерархично, как сословное общество эпохи Токугава (XVII–XIX вв.), когда система этих форм была наиболее богатой и сложной» [1, с. 134].

В первую очередь необходимо обратить внимание на изменения литературного языка на уровне разговорного стиля. Сегодня в японском языке относительно нейтральной речи выделяют развитую систему вежливого стиля, — т.н. *кэйго*, включающего в себя множество гоноративных и депрециативных форм, которые используются для выражения прагматики. Исторически вежливые формы возникли и стали употребляться для выражения особого почитания божеств, а уже потом их стали использовать в общении между

людьми [12, с. 45]. Однако само по себе явление *кэйго* и соответствующий термин появились только в период Мэйдзи, а сам феномен вежливого языка можно назвать искусственно созданным. Фактически он существовал в естественном, не систематизированном виде и представлял собой часть всего японского языка, который сами японцы называют *кокуго* «национальный язык» [8, с. 1]. До этого выделять вежливую речь в отдельный стиль и давать ему название не было необходимости. Стилистические различия в японском языке воспринимались как совокупность форм, которые могли употребляться в тех или иных прагматических условиях. Кроме того, сама категория вежливости и её градация во многом являются конструктом западных исследователей японского языка, на которые опирались японцы при формировании *кэйго* [8, с. 19]. Стоит сказать, что сегодня уровень владения *кэйго* среди носителей также снижается, в частности, среди молодёжи. На это указывали исследования уже конца предыдущего века [7, с. 270].

На уровне лексики процессы пейорации и архаизации можно наблюдать на примере копулы (т.е. глагола-связки). До реформ Мэйдзи активно использовались не менее шести форм, среди которых были: *да*, *дэ ару*, *дэсу*, *дэ аримасу* и *дэ годзаимасу*. Также была распространена и вежливая форма *дэ годзару*, которую стали употреблять в период Муромати (1336–1573), но сейчас она почти не используется [11, с. 18]. Примеры её употребления можно найти в «Угэцу Моногатари» Уэда Акинари:

- (1) on-so wa makotoni hotoke
 NON-монах TOP действительно будда
 de-go-zaru
 COP-DEPR-NPST
 'Монах воистину является буддой.'

В (1) *дэ годзару* употребляется в качестве синтаксического предиката, что в современном японском языке не встречается. До реформ все перечисленные словоформы активно использовались и отдельно не относились к *кэйго*.

Эти процессы коснулись и прочих классов лексем. Например, ещё в период Эдо в японском языке была более сложная и развитая система личных местоимений. Такие слова как *сэсса*, *сорэгаси* или *мидомо* использовались в качестве вежливого указания на первое лицо в речи мужчин, в частности, самураев [9, с. 128]. Однако к периоду Мэйдзи они вышли из употребления, поскольку отношение общества к иерархии «высший–низший» изменилось. Другой пример — личное местоимение *варэ*. Оно считается одним из древнейших в языке и до периода Эдо употреблялось в качестве вежливого местоимения первого и второго лица. Затем от него образовалось грубое местоимение второго лица *варя*, которым пользовались низшие в социальной иерархии слои населения, в том числе неприкасаемые — т.н. каста *хинин*. Эти формы по-прежнему используются в языке (чаще в диалектах), хотя их прагматика изменилась по социальным причинам [9, с. 132]. Наглядным

примером пейорации может послужить слово *тэмаэ*, которое появилось в XV–XVI вв. и изначально использовалось в качестве указательного местоимения, т.е. выполняло функцию пространственного дейксиса. Помимо этого, как и в случае с *варэ*, это местоимение могло выполнять скромное указание на первое лицо, однако такие употребления встречаются реже. В период Эдо оно стало использоваться в качестве личного местоимения второго лица от высшего к низшему и уже впоследствии приобрело негативное, уничижительное значение [9, с. 130, с. 135]. Использование этих местоимений, изменивших своё значение или вышедших из употребления, также можно найти в «Угэцу Моногатари» Уэда Акинари. Например:

- (2) a. soregashi ga itashi-ma-sho
 Я NOM сделать-ADR-INCL
 'Я сделаю'
- b. ware wa hotoke no go-deshi nari
 Я TOP будда GEN DEPR -ученик стать
 'Я стану учеником Будды'

Исследование исторического развития языка с точки зрения семантики и прагматики позволяет рассмотреть социолингвистические и психолингвистические процессы в диахронии. В случае с японским языком можно сказать, что пейорация и архаизация определённых языковых единиц связаны с их прагматикой, которая, в свою очередь, во многом зависела от экстралингвистических факторов.

Список сокращений:

ADR	Addressive	адрессив
COP	Copula	связка
DEPR	Depreciation	депрециатив
GEN	Genitive	генитив
HON	Honorific	гоноратив
INCL	Inclusive	инклюзив
NOM	Nominative	номинатив
NPST	Non-past time	непрошедшее время
TOP	Topic	топик (тема)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алпатов В. М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.
2. Таунсенд К. И., Бонадык Н. А. Передача пейоративных значений в художественном переводе: исторический и межкультурный аспекты // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. №4. С.73-80. <https://doi.org/10.17308/lic.2021.4/3813> (дата обращения: 16.01.2024).
3. Aozora (aozora.gr.jp) URL: <https://www.aozora.gr.jp/cards/001271/card60609.html> (дата обращения: 23.01.2024).

4. de Wit I. A Terrific Paper: A Corpus Study of Amelioration and Pejoration in Adjectives Related to Fear, 2021. 20 p. URL: <https://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:su:diva-201228> (дата обращения: 16.01.2024).
5. Hom C. A Puzzle about Pejoratives // Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition. 2012. Vol. 159, No. 3. P. 383–405. URL: <http://www.jstor.org/stable/23261422>. (дата обращения: 16.01.2024).
6. Ramsey S. R. The Japanese Language and the Making of Tradition // Japanese Language and Literature. 2004. Vol. 38, No. 1. P. 81–110. URL: <https://doi.org/10.2307/4141273> (дата обращения: 23.01.2024).
7. Shibamoto J. S. Japanese Sociolinguistics // Annual Review of Anthropology. 1987. No. 16. P. 261–278. URL: <http://www.jstor.org/stable/2155872> (дата обращения: 23.01.2024).
8. Wetzel P. J. Front Matter. Keigo in Modern Japan: Polite Language from Meiji to the Present. University of Hawai'i Press, 2004. 216 p.
9. れいのるず秋葉 かつえ, 歌舞伎自称詞の歴史社会言語学的研究—過去から現在を見る試み // ことば 38 巻. 2017. P. 124-143. [Акиба-Рэйнольдс Кацуэ. Социолингвистическое исследование истории употреблений личных местоимений в пьесах кабуки // Слова. №38. С. 124-143.] URL: https://doi.org/10.20741/kotoba.38.0_124 (дата обращения: 21.01.2024).
10. 和泉 悠, バーチャル劣位化としての悪口 // 倫理学年報 72 巻. 2023. P. 129-142. [Идзуми Ю. Пейоратив в языке как снижение стиля в виртуальном пространстве // Анналы этики. 2023. № 72. С. 129-142.] URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/ethics/72/0/72_129/_article/-char/ja (дата обращения: 16.01.2024).
11. 金水 敏, 日本語敬語の文法化と意味変化(<特集>日本語における文法化・機能語化) // 日本語の研究 1 巻, 3 号. 2005. P. 18-31. [Кинсуи Сатоси. Грамматикализация и семантические изменения в кэйго (<Специальный выпуск> Грамматикализация в японском языке) // Исследования японского языка. 2005. Т.1. № 3. С. 18-31.] URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/nihongonokenkyu/1/3/1_KJ00004553309/_article/-char/ja (дата обращения: 23.01.2024).
12. 尾鼻 靖子, 現代日本語における敬語の起源の形跡 // 言語と文化21号. 2018. P. 45–60 [Обана Ясуко. Свидетельства происхождения кэйго в современном японском языке // Язык и культура. 2018. № 21. С. 45-60.] URL: <https://kwansei.repo.nii.ac.jp/records/26833> (дата обращения: 23.01.2024).

Коптелова И.Е.

О РАБОТНИКАХ И ЦВЕТОТЕРМИНАХ: ЕЖЕДНЕВНО МЕНЯЕТСЯ МОДА...

Аннотация. В исследовании рассматриваются концептуальные механизмы образования новых терминов в подязыке экономики и трудового права с использованием шаблона X-collar (работник, работа). Прослеживается роль метонимии и метафоры, образование по аналогии. Также рассматривается изменение содержания терминов в сторону сужения или расширения значения.

Ключевые слова: когнитивный перенос, метонимия, цветные воротнички, терминология